

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — «ЧЕЙ» ОН?

«Правда выше Некрасова, выше Пушкина, выше народа, выше России, выше всего, а потому надо желать одной правды и искать ее, несмотря на все те выгоды, которые мы можем потерять из-за нее, и даже несмотря на все те преследования и гонения, которые мы можем получить из-за нее».

Ф. М. Достоевский.

Не так давно на одном литературном вечере я получила две любопытные записки. Они были написаны людьми, глубоко возмущенными — хотя и по разным причинам — ситуацией, связанной с творческим наследием отечественного писателя-классика.

«Почему Вы, в своих исследованиях о Достоевском, — значилось в первой корреспонденции, — никогда не пишете о том, что «гениальный писатель», «защитник униженных и оскорбленных», был заядлым славянофилом и черносотенцем, отъявленным антисемитом? Что он ненавидел поляков, евреев, немцев, французов и вообще инородцев и презирал все западное, все европейское? Неужели Вам не стыдно пропагандировать «классика», который, может, и написал занимательные романы, но был и сейчас является идейным вдохновителем так называемых русских патриотов-погромщиков?»

Вторая записка странным образом перекликалась с первой: «Вы и Вам подобные намеренно утаивают тот очевидный факт, что русский и мировой гений Федор Михайлович Достоевский остерегал свой народ от заразы космополитизма и западничества, что он проповедовал любовь к России как к сильному и мощному самодержавному государству, и любовь к русскому народу как к уникальному и избранному Богом для великой исторической миссии. Вам выгодно представлять Достоевского как такого демократа-гуманиста без национальных корней. А многие другие даже стесняются называть

его «русским», избегают употреблять это слово. Достоевский — последовательный борец за интересы русского народа — и только с этих позиций должно трактоваться его творчество и его публицистика. Руки тех, кто не разделяет патриотических настроений, — прочь от нашего Достоевского».

Оба текста были тщательно и разборчиво подписаны — авторы были уверены в своей правоте и не боялись гласности. Тогда, на литературном вечере, мне пришлось согласиться с обоими корреспондентами по крайней мере в одном пункте: то двусмысленное замалчивание, которое сложилось вокруг так называемых «слабостей» великого писателя, и раньше рождавшие кривотолки, сегодня, в пору полемических страстей, горячих мировоззренческих столкновений, вызвало новую волну спекуляции и мелкого политического жульничества.

Теперь — когда время гонений на Достоевского далеко позади — кто только не берет его в свои союзники, стремясь придать собственным умозаключениям глубину и убедительность. Кто только не использует его тексты в целях, ничего общего не имеющих со смыслом цитируемого. Кто только не прикрывает свою интеллектуальную нищету одеждами из его высказываний.

Но мало кто из знаменосцев противостоящих идеологических лагерей в состоянии принять как «свое» (или отвергнуть как «чужое») *всего* Достоевского. При ближайшем рассмотрении комплекс идей писателя на деликатную национальную тему оказывается политически невыгодным ни так называемым «патриотам», ни так называемым «космополитам». «Весь» Достоевский не дается ни тем, ни другим в их сиюминутных интересах. Потому что сам Достоевский, какие бы взгляды на протяжении своей жизни он ни исповедовал — фурьеристские или славянофильские, — менее всего «проводил линию» своей партии, менее всего заботился о групповых интересах «деятелей движения». «Я ничего не ищу, и ничего не приму, и не мне хватать звезды за мое направление», — записал он в дневнике за неделю до смерти. Такая политическая позиция писателя дает право на понимание, уважение и доверие к нему и к любой его ипостаси — гуманиста, гражданина, славянофила, патриота.

Признание славянофила

«Я во многом убеждений чисто славянофильских, хотя, может быть, и не вполне славянофил» («Дневник писателя за

1877 год»). Подобные признания с оговорками звучат в публицистике Достоевского с момента возникновения этого жанра в его творчестве и до конца жизни. Признания искренни и ответственны, но вслушаемся и в оговорки.

1861 год, объявление «От редакции» журнала «Время»: «И хотя в славянофилах было много любви к родине, но чутье русского духа они потеряли. Они также ошиблись, как ошибаются те господа, большею частью чистые и наивные сердцем, которые, надев на себя древний кафтан, бархатную поддевку и шелковую рубашку с золотыми галунами, воображают, что они соединились с народным началом. Общество смотрит на них с недоумением, а народ равнодушно. Но теперь мы можем жить и действовать, а не фантазировать».

1961 год, статья о славянофильской газете И. Аксакова «День»:

«Те же славянофилы, с тою же неутомимою враждой ко всему, что не ихнее, и с тою же неспособностью примирения; с тою же ярою нетерпимостью и мелочною, совершенно нерусскою формальностью... Скажем прямо: предводители славянофилов известны, как честные люди. А если так,, то как можно сказать обо всей литературе, что она «равнодушна к скорбям народным?» Как сметь сказать «о порицании нашей народности, не в силу негодующей, пылкой любви, но в силу внутреннего нечестия, истинно враждебного всякой святине, чести и долга?» Что за фанатизм вражды! Что за резкая уверенность в самых сокровенных помышлениях противников, в сердце и совести их! *Неужели любить родину и быть честным дано в виде привилегии только одним славянофилам* (так! — Л. С.)? Кто мог сказать это, кто бы решился написать это, кроме человека в последней степени фанатического иступления!.. Да, тут почти пахнет кострами и пытками...».

Не правда ли, эта полемика двадцатидевятилетней давности весьма напоминает иные сегодняшние споры?

1863—1964 год, записная книжка: «Славянофилы, нечто торжествующее, нечто вечно славящееся, а из-под этого проглядывает нечто ограниченное».

1864—1865 год, записная книжка: «Славянофилы не верят ни в одно из европейских учреждений, ни в один вывод европейской жизни — для России. Они отвергают и конституционные, и социальные, и федерально-механические учения. Они верят в начала русские и уверены, что они заменят и конституцию и социализм и сами из себя, нося в себе зародыш своей правды и уж, конечно, имея право так же жить и разви-

ваться самостоятельно, как жил и развивался самостоятельно Запад».

1976 год, «Дневник писателя»: «Вопрос о народе и о взгляде на него, о понимании его теперь у нас самый важный вопрос, в котором заключается все наше будущее, даже, так сказать, самый практический вопрос наш теперь. И однако же, народ для нас всех — все еще теория и продолжает стоять загадкой. Все мы, любители народа, смотрим на него как на теорию, и, кажется, ровно никто из нас не любит его таким, каким он есть в самом деле, а лишь таким, каким мы его каждый себе представили. И даже так, что если б народ русский оказался впоследствии не таким, каким мы каждый его представили, то, кажется, все мы, несмотря на всю любовь нашу к нему, тотчас бы отступились от него без всякого сожаления. Я говорю про всех, не исключая и славянофилов; те-то даже, может быть, пуще всех».

Итак, любовь к родине, к народу, противостояние России и Запада (Европы во времена Достоевского), особый путь России и ее историческая миссия — стержневые проблемы его публицистики и ее полемического пафоса. Только очень предвзятый, предубежденный и в общем недобросовестный читатель увидит в направленности мысли Достоевского «заядлость» славянофила или тем паче — ксенофоба.

Две Родины

Можно ли представить казенный, напыщенный патриотизм со всеми атрибутами враждебности и нетерпимости к тому, что не «свое», провозглашающим любовь не к одной, а к двум родинам?

А Достоевский пишет («Дневник писателя за 1876 год»): «У нас — русских — две родины: наша Русь и Европа, даже и в том случае, если мы называемся славянофилами (пусть они на меня за это не сердятся). Против этого спорить не нужно. Величайшее из величайших назначений, уже признанный Русскими в своем будущем, есть назначение общечеловеческое, есть общеслужение человечеству, — не России только, не общеславянству только, не всечеловечеству».

Славянофил Достоевский, которому «положено» было проклинать и презирать Запад и западников, находит здравый смысл и историческое оправдание даже самым последним крайностям западничества. Он не отказывает западникам в «чутье русского духа и народности, он ценит их стремление к

самопроверке и самопознанию, их желание «дойти до правды умом, анализом, понятием. Сам поворот западничества к народным началам, к почве, в котором влияние славянофилов слишком мало участвовало», был совершен потому, считает Достоевский, что «западничество все-таки было реальнее славянофильства», ибо убедилось: «дело не в проклятии, а в примирении и в соединении». Возврат на родную почву, таким образом, «все-таки в руках реалистов, потому что европеизм, западничество, реализм — все-таки это возрожденная жизнь, начало сознания, начало воли, начало новых форм жизни. Западничество шло путем беспощадного анализа, и за ним шло все, что могло идти в нашем обществе».

Как видим, Достоевский умел быть справедливым к своим идейным противникам, умел поднять их до своего уровня и уже на этом уровне дискутировать. Но, видимо, с впрямь его славянофильство было специфическим, если не сказать уникальным: в «Дневнике» писателя за 1877 год провозглашен гимн святой... Европе!

«О, знаете ли вы, господа, — обращается он к читателям и возможным оппонентам, — как дорога нам, мечтателям-славянофилам, по-вашему, ненавистникам Европы, — эта самая Европа, эта «страна святых чудес»! Знаете ли вы, как дороги нам эти «чудеса», и как любим и чтим, более чем братски любим и чтим мы великие имена, населяющие ее, и все великое и прекрасное, совершенное ими. Знаете ли до каких слез и сжатий сердца мучают и волнуют нас судьбы этой дорогой и родной нам страны, как пугают нас эти мрачные тучи, все более и более заволакивающие ее небосклон?».

Те, кто придирчиво упрекает, или, наоборот, обрадованно хвалит Достоевского за ненависть к Западу, Европе и европейским нациям, видимо, десятой дорогой обходят подобные (отнюдь не единичные) признания «мечтателя-славянофила» в любви к великим европейским племенам.

Инстинкт общечеловечности

Да, Достоевский свято верил, что Россия, во главе объединенных славян, скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его «свое новое, здоровое и еще не слыханное миром слово». Что это за волшебное слово?

«Русская идея», владевшая Достоевским на протяжении всей его послекаторжной жизни и провозглашенная в Пушкинской речи, относилась, бесспорно, к разряду самых доро-

гих, самых главных его убеждений. Вкратце она сводилась к следующему. Дорога петровских реформ пройдена вся без остатка. Русский человек узнал Европу, но не сделался европейцем. Когда-то он укорял себя за неспособность быть, стать европейцем, втиснуться в одну из западных форм жизни. Теперь (Достоевский пишет об этом в 1860 году) русские убедились, что они тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная, и их задача — «создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и народных начал».

Вместе с тем русский образованный человек должен усвоить здравый взгляд на свою историю. Можно ли ориентироваться на допетровскую Русь, признавать ее за истинное, лучшее выражение жизни народной? Можно ли перестраивать «теперешнюю» жизнь по «московскому» идеалу? «...Допетровская Русь и московский период только видимостью своею могут привлекать наше к себе внимание и сочувствие. А если повнимательней взглядеться в эту, по-видимому, чудную картину, в отдалении рисующуюся нашему воображению, мы найдем, что не все то золото в ней, что блестит... Действительно, лжи и фальши в допетровской Руси — особенно в московский период — было довольно... Ложь в общественных отношениях, в которых преобладало притворство, наружное смирение, рабство и т. п. Ложь в религиозности, под которой если и не таилось грубое безверие, то по крайней мере скрывались или апатия или ханжество. Ложь в семейных отношениях, унижавшая женщину до животного, считавшая ее за вещь, а не за личность... В допетровской, московской Руси было чрезвычайно много азиатского, восточной лени, притворства, лжи. Этот квиетизм, унылое однообразие допетровской Руси указывают на какое-то внутреннее бессилие».

Именно *худоба* жизни (по выражению Достоевского), которую чувствовал народ, сделала возможным петровские реформы. В русском воздухе уже носились задатки реформационной бури, народ уже заявлял свой протест против действительности. Однако новое направление исторической жизни, заданное Петром I, исказило суть народной правды. «...Петра можно назвать народным явлением настолько, насколько он выражал в себе стремление народа обновиться, дать более простору Жизни — но только до сих пор он и был народен... Выражаясь точнее, одна идея Петра была народна. Но Петр как факт был в высшей степени антинароден... Во-первых, он изменил народному духу в деспотизме, своих реформаторских

приемов, сделав дело преобразования не делом всего народа, а делом своего только произвола. Деспотизм вовсе не в духе русского народа... Он слишком миролюбив и любит добиваться своих целей путем мира, постепенно. А у Петра пылали костры и воздвигались эшафоты для людей, не сочувствовавших его преобразованиям... То самое, что реформа главным образом обращена была на внешность, было уже изменено народному духу... Русский народ не любит гоняться за внешностью: он больше всего ценит дух, мысль, суть дела... и чем сильнее было на него посягательство сверху, тем сильнее он плачивался, сжимался».

Петровские реформы ожесточили народ, утверждает Достоевский. Народ «отрекся от реформаторов и пошел своей дорогой — врозь с путями высшего общества». Поэтому в неразвитости, невежестве народа виноваты не чужеземцы, не инородцы, а «мы сами» — образованное сословие, виновато раздвоение русского общества, то отсутствие общих интересов у высшего общества с низшим, которые сложились исторически. Нам нужен один народ, а не два — вот главный тезис Достоевского. «Ведь тогда только и можем мы хлопотать об общечеловеческом, когда разовьем в себе национальное... Прежде чем хлопотать об ограждении интересов всего человечества во всем мире, — нужно стараться оградить их у себя дома».

Достоевский делает важную оговорку: под национальностью разумеется не та рациональная исключительность, «которая весьма часто противоречит интересам всего человечества. Нет, мы разумеем тут истинную национальность, которая всегда действует в интересах всех народов».

Достоевский поясняет: судьба распределила между народами, какие из общих задач должен развивать в себе тот или иной народ. При этом резких различий в народных задачах нет, ибо в основе каждой народности лежит общий человеческий идеал. И если бы каждый из народов понимал истинные свои интересы, между ними никогда бы не было антагонизма. «Разные народы, разрабатывающие общечеловеческие задачи, можно сравнить с специалистами науки; каждый из них специально занимается своим предметом, к которому предпочтительно пред другими, чувствует особенную охоту».

И в этом смысле будущее значение русских в великой семье всех народов не в том, чтобы оградиться китайскими стенами от человечества. Русские, которые говорили на всех языках, понимали все цивилизации, сочувствовали интересам

каждого европейского народа, понимали смысл и разумность явлений, совершенно им чуждых, предугадывают с благоволением, что характер их будущей деятельности «должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях». Все самобытное в русском характере, все его резкие особенности и отличия от характера европейского видятся Достоевскому, как высокосинтетическая способность к всепримиримости, всечеловечности, всемирной отзывчивости. Русский человек со всеми уживается и во все вживается. И вот, пожалуй, самое главное: русский «сочувствует всему человеческому вне различия национальности, крови и почвы. Он находит и немедленно допускает разумность во всем, в чем хоть сколько-нибудь есть общечеловеческого интереса. У него инстинкт общечеловечности. Он инстинктом угадывает общечеловеческую черту даже в самых резких исключительностях других народов...».

Итак, высокая способность русских образованных людей к совершенному и полноценному духовному освоению европейского наследия и является в глазах Достоевского главным доказательством их народной сущности: именно «инстинктом общечеловечности» глубинно связаны неграмотный народ и образованное меньшинство. Именно в этом — тайна величия и главный смысл народности Пушкина.

Но что же в таком случае может быть общего между русской идеей Достоевского и тем обидчивым, нетерпимым патриотизмом (не говоря уже о национализме и шовинизме), который стремится присвоить авторитет Достоевского и прикрыться им на случай возможных упреков?

«Стать русским значит перестать презирать народ свой», — писал Достоевский. «Европа нам второе отечество, — я первый страстно исповедую это и всегда исповедовал», — писал он же и здесь же, на этой же странице «Дневника писателя за 1877 год».

То самое величайшее слово, которое, по Достоевскому, призвана сказать Россия всему миру, и должно быть заветом *общечеловеческого* единения.

Во имя негодующей любви...

Говорить о любви Достоевского к родине и народу, при всей инфляции подобных слов, «легко и приятно». В его пат-

риотическом чувстве нет ничего фанфарного и показного, ничего тщеславного и сварливого, ничего натужного и крикливого. В нем много горечи, истинной боли и надежды.

«Нет, судите наш народ не по тому, чем он есть, а по тому, чем желал бы стать... не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно воздыхает. А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений».

Обстоятельствами всей почти русской истории, размышляет Достоевский в «Дневнике писателя» (1876 г.), народ русский «до того был предан разврату и до того был развращаем, соблазняем и постоянно мучим, что еще удивительно, как он дожил, сохранив человеческий образ, а не то что сохранив красоту его». Но если чем и силен народ безоговорочно, если что и держит его во всех прошлых и нынешних мытарствах, так это, убеждает Достоевский, «полная способность самой здоровой над собой критики, самого трезвого на себя взгляда и отсутствие всякого самовозвышения, вредящего свободе действий». Достоевский, который двадцать с лишним лет подряд твердил, что русская нация — необыкновенное явление в истории всего человечества, настойчиво подчеркивал: способность самоосуждения русские люди признают «за лучшую сторону русской природы, за ее особенность», за то, чего у «господ иноземцев» вовсе нет. Писатель предрекал, что упражняться в самоосуждении русским предстоит чем дальше, тем больше, что та беспощадно-страшная сила, с которой проявляется на Руси способность к самоосуждению, — лучшее свидетельство не слабости, а жизненной силы и выживаемости народа.

«Народ наш с беспощадной силой выставляет на вид свои недостатки и пред целым светом готов толковать о своих язвах, беспощадно бичевать самого себя; иногда даже он несправедлив к самому себе, — во имя негодующей любви к правде, к истине... В осуждении зла непременно кроется любовь к добру: негодование на общественные язвы, болезни — предполагает страстную тоску о здоровье...».

Учитывается ли этот «классический» контекст в сегодняшних дискуссиях о русофобии и русофобах? Не утратили ли подобные дискуссии истинной точки отсчета и здравых критериев, без которых Достоевский автоматически может быть отнесен к категории «фобов»?

Впрочем, последний вопрос сознательно риторичен. Я читаю в одном из толстых журналов: «Россия не была пьяной

страной. Россия была ТРЕЗВОЙ СТРАНОЙ. Скажу как историк: широко бытующая молва о том, что-де на Руси-матушке всегда пили, что «веселие Руси — есть питье», — злонамеренная, злоязычная ложь, пущенная в оборот врагами нашего народа».

Послушаем Достоевского. Автор «Дневника писателя» и редактор «Гражданина», консервативного, по меркам XIX века, печатного органа, никак не связанного с нигилистами и национальными ненавистниками, из номера в номер поднимает один и тот же тревожный вопрос: как исцелить страну от язвы всенародного пьянства. В примечаниях сообщается: «бюджет кабака» составил в 1872 году 166,5 миллиона рублей при общем бюджете на 1873 году 517 миллионов рублей.

Достоевский комментирует: «Чуть не половину теперешнего бюджета нашего оплачивает водка, то есть по-теперешнему народное пьянство и народный разврат, — стало быть, вся народная будущность. Мы, так сказать, будущностью нашею платим за наш величавый бюджет, великой европейской державы. Мы подсекаем дерево в самом корне, чтобы достать поскорее плод. И кто же хотел этого? Это случилось невольно, само собой, строгим историческим ходом событий...».

Достоевский скорбит: «Матери пьют, дети пьют, церкви пустеют, отцы разбойничают; бронзовую руку у Ивана Сусанина отпилили и в кабак снесли; а в кабак приняли! Спросите лишь одну медицину: какое может родиться поколение от таких пьяниц?».

Достоевский опасается: бессовестные ростовщики-кабатчики в самом скором времени будут пить народную кровь и питаться развратом и унижением народным — «мечта скверная, мечта ужасная...».

Не будучи «врагом своего народа», Достоевский не был и льстецом его; не хотел закрывать глаза на «варварство и мерзости», не хотел идеализировать «скверну», которая есть в гуще народной, — не мог канонизировать зло. Потому он и защищал народ свой, что тот унижен и обездолен, часто лишен облика и достоинства человеческого и живет не сознательной жизнью, а «на степени стихийного существования». Не боясь прослыть русофобом, он честно писал о народных бедах и язвах; не стесняясь быть патриотом, он учил своего читателя «смотреть на народ без плевка»; не оскорблять «черных людей» глумливыми насмешками и блудными анекдотами. Народная правда виделась Достоевскому и в мужике Марее, и в Пушкине, и в Христе, которого любит и почи-

тает русский человек. Любовь к народу, по Достоевскому, — чувство не агрессивное и не фанатическое, а истинно христианское, евангельское: «Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит».

Русское решение вопроса

У меня в руках ксерокопия весьма выразительного документа, датированного 23 февраля 1988 года, написанного на 33 листах, за восемью подписями, с двумя печатями на каждой странице. «Заявление форуму справедливости» (так называется этот документ) цитирует «Дневник писателя» Достоевского: «Всякий, кто искренно захотел истины, тот уже страшно силен... Кто хочет приносить пользу, тот и с буквально связанными руками может сделать бездну добра». И здесь же рядом составители документа делают свой основополагающий авторитетный вывод из высказывания Достоевского: «Вот и «Память» взяла на себя инициативу в разоблачении международного сионистско-масонского синдиката, действующего и в нашей стране».

Именем Достоевского, зовущим делать добро, приносить пользу и служить истине, освящаются разоблачительские инициативы, санкционируется охота на ведьм. Но Достоевский *нигде, никогда и никого* не призывал к подобным акциям! Достоевский никогда не искал среди чужеземцев или инородцев виновных и ответственных за русские беды — тому доказательство и вся его публицистика, и все его художественное творчество: сотни, тысячи действующих лиц русского происхождения «сочиняют» русскую жизнь, творят русскую трагедию. Они, русские, изобретают свои или заимствуют чужие теории, они же решают, как по этим теориям перевернуть Россию вверх дном. Русская чиновница-ростовщица Алена Ивановна берет с нищих русских студентов «жидовские» проценты, а русский Раскольников лушит старушонку топориком. Сын русского дворянина Версилова Аркадий Долгорукий мечтает «стать Ротшильдом» или «таким, как он» и получить вожделенные миллионы, не брезгуя их национальной спецификой. Русские купцы швыряются сотнями тысяч рублей ради того, чтобы русские дворяне ползли за кредитами на коленях и вытаскивали их из огня. Люди, увы, рус-

ские, а не «жиды и полячишки», «ненавистные немцы илж французы», гибнут за металл, обуреваемые жадностью и алчностью. Лужин и Свидригайлов, Рогожин и Тоцкий, Ставрогин и Верховенский, семейства Карамазовых и Епанчиных — все это русский мир, русская стихия с ее пороками, страстями, грехами и грехопадениями.

Достоевский учил, следуя идеалам народной правды, искать «не в селе, а в себе». И в том самом выпуске «Дневника писателя», процитированного в вышеупомянутом документе, он дает совет людям, у кого чистое сердце и совесть: «самообладание и самоодоление прежде всего первого шага. Исполни сам на себе прежде, чем других заставлять, — вот в чем вся тайна первого шага».

Именно в деятельной любви и в самоодолении, а не в агрессивной подозрительности и маниакальной боязни заговоров заключено, согласно Достоевскому, «русское решение вопроса»: хочешь переделать мир — **начни с себя.**

Решение еврейского вопроса

Миф об антисемитизме Достоевского, о его ненависти к еврейской нации — не сегодняшнего происхождения. Автор «Дневника писателя» получал в свое время письма читателей с вопросами по этому поводу; порой корреспонденции содержали обиду, упрек, недоумение. В мартовском выпуске «Дневника» за 1877 год Достоевский дает необходимые пояснения в связи с «еврейским вопросом».

Примечательна оговорка: «Поднять такой величины вопрос, как положение еврея в России и о положении России, имеющей в числе сынов своих три миллиона евреев, — я не в силах. *Вопрос этот не в моих размерах* (Выделено мною. — Л. С.; это пишет о себе Достоевский!).

Тем не менее начинает он с главного: «...Когда и чем заявил я ненависть к еврею как к народу? Так как в сердце моем этой ненависти не было никогда, и те из евреев, которые знакомы со мной и были в сношениях со мной, это знают, то я, с самого начала и прежде всякого слова, с себя это обвинение снимаю, раз навсегда, с тем чтоб уж потом об этом и не упоминать особенно».

Далее всякий рассуждающий на эти темы должен определиться: если он не верит признанию писателя, то весь последующий текст можно и не читать. Если же все-таки исхо-

дить из презумпции доверия к честности Достоевского (в чем, кстати, ему никогда не отказывали самые серьезные оппоненты), тогда имеет смысл вникнуть в логику и в предысторию аргументации писателя.

Еще в начале своего публицистического поприща, в шестидесятые годы, Достоевский как издатель журнала «Время» решительно выступает против национализма крайних славянофильских изданий. «Узкая национальность не в духе русском», — заявлял он. «Время» регулярно публикует статьи о бедственном положении еврейского населения, проживающего в чертах оседлости Российской империи. «Евреи стеснены весьма значительно, — сообщается в десятом номере журнала за 1862 год, — и огромное количество их живет в крайней бедности... Живут они обыкновенно в страшной тесноте и в своих занятиях, ремеслах соперничают друг с другом до последней крайности, чтобы каким-нибудь образом просуществовать. В каком-нибудь крошечном местечке случается встретить двух или даже трех весьма искусных ювелиров, десятков слесарей, двадцать кузнецов и множество других ремесленников... И толпятся они таким образом и у самой границы соседней губернии, где они не имеют прав гражданства. Если есть хоть тень правды в том, что евреи вредят христианскому населению того края, в котором они живут, разоряя крестьян своим настойчивым добыванием барышей, то на это одна только причина: невозможность вселиться туда, где нужна их работа, где они могут быть полезны прямым честным трудом».

В полемике с газетой «День», которая усмотрела угрозу для христианства в тех евреях, которые благодаря реформам получили высшее образование, «Время» (1862, № 1—2) писало: «Против кого вы воюете? Не это ли называется слепою враждою, которая ведь очень последовательна, то есть до конца неразумна? Если бы в иудействе было что-нибудь вредное для христианства, охранение от этого вреда очевидно может заключаться только в его вере. «День» ищет другой охраны: он желал бы видеть его в законе; ему стоит еще сделать шаг — и он будет искать в огне и мече».

Пятнадцать лет спустя Достоевский вновь возвращается к этой теме.

Двадцать пятый том Полного собрания сочинений Достоевского или «Дневник писателя за 1877 год», где в мартовском выпуске содержатся главы о еврейском вопросе, — предмет пристального, пристрастного, порой болезненного ин-

интереса современного читателя и русской и еврейской национальностей.

Достоевский признает имеющиеся факты розни, неприязни между евреями и русскими. Однако, во-первых, категорически отрицает (ссылаясь и на собственный личный опыт) существование в русском простонародье предвзятой, априорной, тупой, религиозной ненависти к евреям, а во-вторых, настоятельно подчеркивает, что мотивы подобной несимпатии скопились не с одной, а обеих сторон. Русским часто несимпатично самомнение и высокомерие евреев, у русских же народ еще невежествен, необразован, экономически неразвит — что евреи любят подчеркивать. Очевидно: дело не в национально-племенной разнице, а в различных социальных ролях обоих народов.

Достоевский размышляет: — «Уж не потому ли обвиняют меня в «ненависти», что я называю иногда еврея «жидом»? Но, во-первых, я не думаю, чтоб это было так обидно, а во-вторых, слово «жид», сколько помню, я *упоминал всегда* (Выделено мною. — Л. С.) для обозначения известной идеи: «жид, жидовщина, жидовское царство» и проч. Тут обозначалось известное понятие, направление, характеристика века. Можно спорить об этой идее, не соглашаться с нею, но не обижаться словом».

Насколько известно из писем читателей-корреспондентов Достоевского, да и из сегодняшней почты, касающейся русско-еврейского вопроса, писатель недооценивал как раз «обиды словом». Его «я не думаю, чтоб это было так обидно» задевало и обижало куда больней, чем все прочие рассуждения. Но оставим в стороне пока чисто эмоциональную сторону проблемы и попробуем разобраться с самой идеей, «характеристикой века», направлением. Что Достоевский имеет в виду?

«Идея жидовская», «охватывающая весь мир, вместо «неудавшегося» христианства» — это по мнению писателя, прежде всего идея *буржуазности*. «Всяк за себя и только за себя» — всякое общение между людьми единственно для себя» — таким видит Достоевский нравственный принцип большинства «теперешних» людей. Достоевский пишет об этом принципе как об основной идее буржуазии, заместивший собою в конце прошлого столетия прежний мировой строй, и ставшей главной идеей всего нынешнего столетия во всем европейском мире. Именно девятнадцатый век возвел — столь откровенно и столь наглядно — в высший принцип всегдашние

устремления человека к материальному достатку, узаконил представление о свободе как о личном богатстве. «Наступает вполне торжество идей, перед которыми никнут чувства человеколюбия, жажда правды, чувства христианские, национальные и даже народной гордости европейских народов. Наступает, напротив, материализм, слепая, плотоядная жажда личного материального обеспечения, жажда личного накопления денег всеми средствами — вот все, что признано за высшую Цель, за разумное, за свободу, вместо христианской идеи спасения лишь посредством теснейшего нравственного и братского единения людей».

Опять же вряд ли здесь уместно сколько-нибудь подробное обсуждение проблемы — что представлял собой XIX век и насколько справедливы те характеристики, которые предлагает в «Дневнике писателя» Достоевский. Во всяком случае в определениях своей эпохи как эпохи буржуазной и в отождествлении буржуазности с «еврейским духом» Достоевский не был оригинален; скорее даже можно сказать, что он повторял некие расхожие стереотипные формулы — и об особом ростовщическом духе («жидовство»), и о безжалостной эксплуатации русского крестьянства со стороны еврея-капиталиста, и о том, что «еврей любит торговать чужим трудом», любит посредническую деятельность, и о том, что «верхушка евреев воцаряется над человечеством все сильнее и тверже и стремится дать миру свой облик и свою суть».

Важно другое: в самых жестких обвинениях, которые предъявляет Достоевский в адрес еврейского народа во все «сорок веков его бытия», — и в самом деле содержатся характеристики скорее социального порядка, нежели национального или религиозного. Очевидно: никогда не был Достоевский врагом еврейского гено типа, никогда не испытывал к нему ненависти как к народу.

Да, Достоевский произносит много горьких слов в адрес еврея-ростовщика, религиозного фанатика, националиста. Да, Достоевский рассуждает о дурных качествах в еврейском народе, может быть излишне горячо и страстно. Среди упреков и обвинения, есть наверняка и весьма обидные — писатель и здесь не смог «не перейти черту». Если собрать вместе и вынуть из «Дневника писателя» эти высказывания, они смогут, по-видимому, вызвать сомнение в широте национальных взглядов писателя. Но тот, кто из живого текста захочет получить цитатник, а из русского писателя сотворить вульгарного антисемита, явно будет одержим недобрым намерением.

Как бы там ни было, выводы Достоевского о путях решения еврейского, точнее сказать, русско-еврейского вопроса, заслуживают самого пристального внимания. По высшему христианскому принципу, по Христову закону Достоевский стоит за полное и окончательное уравнивание прав евреев с коренным населением в формальном законодательстве. Достоевский мечтает («буди! буди!») о *полном и духовном* единении племен. Он умоляет своих оппонентов и корреспондентов-евреев «быть к нам, русским, снисходительнее и справедливее». Он надеется, что предубеждение, если оно не кроется «в каких-нибудь гораздо более глубоких тайнах его закона и строя» еврейского народа, а есть лишь «исторический нарост», непременно рассеется.

Вслушаемся в его слова: «...Да сойдемся мы единым духом, в полном братстве, на взаимную помощь и на великое дело служения земле нашей, государству и отечеству нашему! Да смягчатся взаимные обвинения, да исчезнет всегдашняя экзальтация этих обвинений, мешающая ясному пониманию вещей. А за русский народ поручиться можно: о, он примет еврея в самое полное братство с собою, несмотря на различие в вере, и с совершенным уважением к историческому факту этого различия, но все-таки для братства, для полного братства нужно братство с обеих сторон».

Колокола всех церквей

Счастлирое подтверждение возможности братства с обеих сторон Достоевский получает в самом скором времени — из письма молодой еврейской девушки. История доктора Гинденбурга, восьмидесятичетырехлетнего немца, который 58 лет лечил многонациональное население города М., отдавая беднякам последнее и являя высокий нравственный пример самоотверженного служения людям, потрясла писателя. В строках пехитрого текста корреспондентки он находит воплощение своей мечты. «...Хоронили его (доктора-протестанта), как святого. Все бедняки заперли лавки и бежали за гробом. У евреев есть мальчики, которые при похоронах распевают псалмы, но запрещается провожать иноверца этими псалмами. Тут перед гробом, во время процессии, ходили мальчики и громко распевали эти псалмы. Во всех синагогах молились за его душу, также колокола всех церквей звонили все время процессии... Над его могилой держали речь пастор и еврейский раввин, и оба плакали...».

Итак, человек, который соединил над своим гробом весь город, которого оплакивали вместе русские бабы и бедные еврейки, для кого пелись молитвы на всех языках и звучали колокола всех церквей, — такой человек, или, как говорит о нем Достоевский, «общий человек», и символизирует разрешение «еврейского вопроса».

Капля камень точит, а «общие человеки», уверяет писатель, побеждают мир, соединяя его. «...На земле лучше и делать-то нечего, как верить в то, что это сбыться может и сбудется».

Можно представить себе, какое мужество нужно было иметь русокому писателю и патриоту Достоевскому, чтобы с такой безоглядностью написать: «Правда выше народа, выше России». Уместно вспомнить и другое его высказывание — о Христе и истине: «Если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной».

Шкала высших ценностей, по Достоевскому, достоверно показывает: национальное на ней не главенствует, а идет вслед — за верой и правдой.

В этой позиции, однако, не было ничего исключительного: она лишь подтверждала изначальный принцип христианства — о том, что для него нет ни эллина, ни иудея. Ставить же национальное или племенное выше всего как раз и было выражением взгляда ветхозаветного или языческого. Но это уже другой разговор, к Достоевскому не относящийся.

* * *

Если кто-нибудь из тех, кто так яростно сражается со своим идейным противником посредством Достоевского (используя его тексты то ли как щит, то ли как меч), все-таки обратит на писателя взор непредубежденный, он не прогадает. Ему станет очевидна совершенная бессмысленность вопроса, вынесенного в заголовок. Достоевский принадлежит *всем*, и тот, кто объявляет наследие писателя своей вотчиной, поступает противно духу Достоевского. Ни тем, кто ищет в наследии писателя опору для юдофобских упражнений, ни тем, кто надеется решить еврейский, или русско-еврейский вопрос только «воздушным путем», Достоевский не союзник и не помощник.

Эти полемические заметки я хочу закончить еще одной «запиской из зала», откликом-публикацией на большую тему.

«...Было в русской литературе нечто такое (правдолюбие? совестливость? человечность?), что сделало ее не только выдающимся явлением мировой культуры, но и духовным прибежищем для многих поколений русских евреев.

Сейчас наступило время рефлексии по поводу вчерашнего прошлого и нашего, еврейского, в нем участия. Но и даже перед дальней дорогой, даже стоя в очереди за авиабилетом... не следует пускаться в бесперспективный нигилизм отчуждения.

Воздушным путем вопрос не решается. Перелетев в Америку или в Израиль, где Достоевского читают и чтут, мы продолжаем быть евреями.

Чем может быть обращена еврейская национальная культура — глухой памятью о нанесенных обидах или высокой мерой понимания духовных ценностей тех народов, с которыми мы оказались связанными на протяжении веков?».

Речь здесь и шла — о высокой мере понимания, которой одинаково лишены и те, кто, назвав Достоевского антисемитом, предают его анафеме, и те, кто ему за это же одобрительно рукоплещет.